

Кудряшов Алексей

06.06.05

газета - с 26,

26 | АРТ/ПОП-РОК

06 | ИЮНЯ | понедельник | 2005 | #102 / 880/

■ ВЫСТАВКА

бескомпромиссность, близкая к абсолюту

Олег Кудряшов в Музее архитектуры

СЕРГЕЙ САФОНОВ

Архитектор Александр Бродский впервые стал куратором художественной выставки. Его стараниями в полуразрушенном флигеле Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева развернута выставка графических работ Олега Кудряшова «Интуиция».

Флигель-руина давно приспособлен для выставок. Обнажившаяся кладка стен, задрапированные оконные проемы; зрители могут перемещаться от экспоната к экспонату только по деревянным мосткам. Особенно пронзительными получаются экспозиции, устраиваемые зимой. Когда-то МУАР принимал в неотапливаемом флигеле «Небесное воинство» — Каргопольский музей-заповедник привозил в Москву расписные потолочные перекрытия разрушающихся северных церквей, созданные в XVIII—XIX веках и именуемые «небесами». А минувшей зимой по случаю Первой Московской биеннале инсталляцию «Призраки Одессы», состав-

ленную из промерзших пальто, во флигеле демонстрировал модный Кристиан Болтански.

Очередь осваивать экстремальное пространство подошла теперь Олегу Кудряшову — автору, хоть и не самому известному широкой публике, но вызывающему исключительное уважение коллег по цеху. «Для меня Олег — самый любимый художник, наиболее крупная фигура современного русского искусства, я испытывал и испытываю сильнейшее влияние его творчества всю жизнь, с момента, когда увидел его линогравюры, — признался на вернисаже архитектор Александр Бродский. — Он уникален не только как художник, но и просто как личность, бескомпромиссность Олега приближена к абсолюту. Когда-то американский коллекционер современного искусства Нортон Додж собрал гигантскую выставку «Советский нонконформизм», к ней была издана роскошная книга толщиной в пятнадцать сантиметров. Я стал ее листать и, конечно, Кудряшова там не нашел. Обратился при встрече к Доджу, знает ли тот Кудряшова. Он сказал: как можно не знать Олега — гениальный художник! Я говорю: а почему его нет в этой книге? Тот ничего не сказал, только развел руками. И я понял, что настоящий нонконформизм — не быть даже в книге о нонконформистах... Здесь нет никакой экспозиционной идеи, никакого бюджета и никаких изысков, кроме самих работ и этих стен. На мой вкус, этого более чем достаточно».

Многие из пришедших на вернисаж знали художника еще до 1974-го, когда беспроблемность российского существования толкнула его на решительный шаг: бросить все, уехать из страны. На родине Кудряшов всегда был как бы не в фокусе, его искусство с трудом укладывалось в рамки искусствоведческих терминов. Впрочем, полностью «своим» не стал он и в Лондоне, где провел почти четверть века. В 1997-м вернулся в Москву, еще через два года состоя-

лась первая выставка в Третьяковке, которой художник безвозмездно передал более 160 произведений. Нынешний показ в МУАРе ретроспективой не назовешь. Хоть и начинается он с небольшой графики 1965 года, автор предпочел в первую очередь экспрессивные крупноформатные (иногда — в несколько квадратных метров) офорты последних лет. Кудряшов давным-давно получил британское гражданство, но большую часть времени трудится на родине; разрушающиеся строения одинаково вдохновляют его и в Лондоне, и в России.

«Я даже не очень ожидал, что кто-то придет, — взял слово на вернисаже Олег Кудряшов. — Потому что сейчас искусство должно быть несколько иным. Мне нравятся эти стены. Может быть, оттого, что все мы выросли в каких-то городах, которые были разгромлены. Когда мы с женой оказались в Лондоне, были потрясены: город выглядел наполовину разрушенным, как будто его только-только разбомбили. Когда мы попали в Англию, первое, что я сказал, — ничего рисовать с натуры не буду. Здесь надо было родиться шестьсот лет назад, чтобы понять, откуда взялась та или другая форма: то ли она пришла с палубы корабля, то ли еще откуда-то; полы все дышат, как палубы... Лондонская современная художественная школа — не какой-то союз или объединение, это личности-индивидуальности, и каждый остался самостоятельным навсегда. Другие художники, те, кто вдруг объединялись (концептуальные направления, минимализм и так далее), — просто поток из колледжей: тысячи ребят делали одно и то же. Коммунисты и социалисты заявили, что живопись умерла, ее больше нет, а массам нужны перформансы, концептуализм и какая-то дребедень. Но художники остались, не обращая на это внимание. Художник всегда связан с прошлым: кого бы мы ни смотрели, мы идем в музей и снова смотрим Рембрандта, Веласкеса или Сезанна».

Произведения Олега Кудряшова хранятся в коллекциях Глазго, Дублина, Вашингтона, а скульптурные конструкции установлены в Великобритании и Японии (Пилы. Диптих. 1998. Собрание ГЦСИ)